

Сергей Гордиенко

Красно-белые волны

в Царицыне и окрест

16+

Сергей Гордиенко

**Красно-белые волны
в Царицыне и окрест**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Гордиенко С.

Красно-белые волны в Царицыне и окрест / С. Гордиенко —
«ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-99158-3

Вторая книга о российском контрразведчике Станиславе Истомине (Валерий Проскурин). 1918-1919 гг. Оборона Царицына (Волгоград), противостояние Сталина и белого генерала Носовича. Книга основана на реальных исторических событиях, исследованиях и воспоминаниях участников.

ISBN 978-5-532-99158-3

© Гордиенко С., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Кто это?	6
Генерал в фетровой шляпе	8
Остановить развал империи!	10
Все против нас	12
На броневике	14
Живая цепь	15
Отель «Люкс»!	16
Уездный город театров	17
Будет	22
«Шартрез»	24
Деспотизация	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Гордиенко

Красно-белые волны в Царицыне и окрест

Родине

О Русь святая! О тебе молюсь
Я так тебя люблю безмерно,
И для тебя отдать клянусь
Я жизнь свою нелицемерно.
Живи во славе. Будь могуча
И под крылом родным не страшна бури туча.
Под сению своей ты русских век оборони...
О, Русь Святая! Бог Тебя храни.

*Генерал-майор А. Л. Носович
29 октября 1918-го, г. Новочеркасск
Гауптвахта*

Кто это?

Москва. Май 1918 г.

– Вставай к стенке! – голос комиссара пронзил меня пулей. Нет, тремя пулями: в голову, в сердце и в живот. Наверно, именно туда попадут эти трое, ещё вчера засевавшие поля где-нибудь под Рязанью, а теперь мобилизованные для борьбы с контрреволюцией. – Одной конторой сейчас станет меньше!

Комиссар выпрямился во весь огромный рост, широко расставил ноги, скрипнув сапогами, заложил руки за спину и, смерив меня презрительным взглядом, подал знак. Стволы винтовок нацелились в голову, в грудь и в живот. Всё правильно... Комиссар прошёлся вдоль шеренги, глядя в пол.

– Унтер-офицер кавалерии! Служил царю, награды получал, германский плен! Теперь решил служить революции?! Думал, поверим?! Не разгадаем твоё империалистическое нутро?!

Мой вид представлял жалкое зрелище: небритый, босой, из одежды только подштанники. Два месяца в казематах не прошли бесследно.

– Товарищ, комиссар...

– Гражданин комиссар!

– Гражданин комиссар, я говорил на допросах. На фронте, в плену проникся революцией. Ваши товарищи открыли мне глаза на империалистическую сущность войны.

Комиссар смерил меня взглядом полным презрения.

– Заряжай! Именем революции и трудового народа...

– Отставить! – в каземат вошёл невысокий человек в пенсне, фуражке со звездой и в такой же, как у комиссара, кожаной куртке, перепоясанной ремнями. Жидковатая борода, из-под фуражки виднеется густая чёрная шевелюра. – Отставить, товарищи!

– Отставить! – повторил приказ комиссар и вытянулся перед вошедшим. – Товарищ Председатель Реввоенсовета, приводим в исполнение приговор. Царский золотопогонник!

Я почувствовал, что его самоуверенность улетучилась как пар из кипящего чайника.

– Какой он вам золотопогонник?! То старшие офицеры и генералы, а этот – унтер, – председатель держал в руке мои бумаги. – Отсутствуют некоторые документы, – обратился ко мне.

Я пожал плечами.

– Социальное происхождение?

– Отец из обедневших дворян. Мать – казачка.

– Поэтому пошли в кавалерию?

– Да.

– Считаете себя дворянином или казаком?

– Казаком. Простым крестьянином! – поторопился поправиться я. Казаки не приняли революцию. Надо сойти за своего, за крестьянина.

Председатель пронзил меня умным, леденящим взглядом. Стёкла пенсне отражали рыжий свет керосиновой лампы, придавая угрюмому лицу оттенок сюрреалистичности. Демон, подумал я. Демон революции.

– Правильно! Рабочие и крестьяне – вот за кого мы боремся. Желаете присоединиться?

– Так точно, – по привычке едва не добавил «Ваше превосходительство».

– Рад, что и к Вам пришло осознание правильности наших идей. Что убедило, не считая агитационной работы наших товарищей на фронте?

Вспомнить что из коммунистической макулатуры я читал!

– «Большевики и мелкая буржуазия» товарища Ленина и «Наша революция» товарища Троцкого.

Сдержанная улыбка появилась на лице председателя, как будто демон, наконец, получил очередную жертву и готовился праздновать победу.

– Что понравилось в «Революции»?

– Теория перманентности.

– Рад, что моя книга помогла Вам выбрать путь революционера. Читали Сталина?

– Кто это?

На сей раз лицо председателя расплылось торжествующей, несдерживаемой улыбкой. Раздался оглушительный хохот.

– Вы правы! Ох, как правы! Кто это... Вы родом из Царицына?

– Да. Саратовской губернии.

Председатель выдержал паузу, не сводя с меня внимательного взгляда.

– Дайте ему помыться, накормите, оденьте. Завтра ко мне.

– Слушаюсь, товарищ Троцкий! – отчеканил комиссар.

Генерал в фетровой шляпе

Новочеркасск. Ноябрь 1917 г.

Приёмная генерала Алексеева. Аджютант читает мои документы. Наконец, решается подать генералу. Возвращается без них. Значит, Алексей согласился рассмотреть мою кандидатуру. Ожидаю час с четвертью. Наконец, у адъютанта звонит телефон.

– Исполняю, Ваше превосходительство. Проходите, господин Истомина. Генерал желает беседовать с Вами.

Привожу себя в порядок насколько могу, вхожу в кабинет. За широким массивным столом в стареньком засаленном мундире сидит маленький курносый старичок с высоким лбом и пышными усами. В глазах как будто с детства застыла печаль.

– Значит, Вы унтер-офицер кавалерии. Закончили Николаевское училище, служили на северо-западном фронте. Теперь желаете вступить в Добровольческую армию?

– Так точно, Ваше превосходительство.

– Армия только формируется. Как узнали?

– Из Вашей телеграммы в штаб Петроградского округа.

– Как оказались в штабе?

– Так сложились обстоятельства, – отвечаю первое, что приходит в голову, и понимаю, что ответ совершенно бездарный.

– С каких пор туда пускают унтер-офицеров кавалерии? Телеграмма была зашифрована. Могли прочитать только офицеры штаба.

Молчу. Сказать нечего.

– У Вас чистые, опрятные руки кабинетного офицера, без следов от поводов. Походка не вразвалку, как у кавалеристов. Ноги держите вместе, немного сутулитесь, как будто просиживали над бумагами. Чувствуется, привыкли общаться с высокими чинами. Так что, по-прежнему кавалерист?

Придётся раскрыться, иначе будет отказ.

– Документы не мои. Использовал для конспирации. Штабс-капитан контрразведки Петроградского округа Проскурин. Служил в отделе подполковника Истомина, разрабатывал связи большевиков с германской разведкой. Документы принадлежат его сыну. Подполковник посчитал так легче пройти проверки новой власти и уехать за границу. Но прочитав телеграмму, я решил отправиться к Вам добровольцем.

– Где настоящие документы?

– Спрятаны.

– Можете предъявить?

– Никак нет! В Петрограде. Там большевики.

– Что нашли по большевикам?

– Их вожди доставлены из Швейцарии по приказу кайзера. Получили миллионы марок от германского командования. Операцией руководил Парвус.

– Кто это?

– Якобы революционер. На самом деле политический коммерсант.

– Я был знаком с подполковником Истоминым. Можете описать привычки?

– Гладит бороду перед тем, как начать говорить.

Алексеев рассмеялся.

– Меня это забавляло.

Кажется, поверил. Отменно!

– Откуда Вы родом?

– Царицын.

Генерал удивлённо посмотрел на меня, затем на карту за спиной.

– Саратовской губернии.

– Знаю. Отужинаете со мной?

– Почту за честь!

На стол подали уху из судака, отварной картофель, копчёную колбасу с кардамоном и маринады. Невиданное роскошество после голодного Петрограда! Композицию дополнял графин водки. Алексеев расспросил о семье, училище и царицынской жизни. Этикет, подумал я и ошибся.

– А теперь прошу набраться терпения и выслушать меня, старика. Я в Петрограде жил на конспиративной квартире на Галерной, создавал новую армию. Готовились противостоять анархии и нашествию немцев и большевиков. Знаете, никогда не охватывала душу такая давящая тоска, как в те дни. Вокруг бессилие, продажность, предательство! Особенно в Петрограде. Осиное гнездо! Развал империи! Как будто по чьему-то приказу исполнялся предательский план. Когда Вы упомянули Парвуса и большевиков, в голове всё расставилось по местам. Действительно был план уничтожения России! – генерал тяжело вздохнул. – В конце октября было назначено заседание Временного совета Республики, но большевики оцепили Мариинский дворец. Я направился в штаб округа. Там настоятельно рекомендовали срочно скрыться – по всему городу висели листовки, что я враг революции. Хотели арестовать. Друзья спрятали у себя, потом перевезли – меня опознали на улице. Купили билеты до Ростова. Ночью отправились на вокзал. Представьте себе генерала в потёртом пальто шоколадного цвета, не по росту длинного, и брюки поверх сапог. На голове синяя фетровая шляпа с чёрной лентой, в кармане чужой паспорт. В поезде меня всё-таки узнали. Но до Ростова, слава Богу, добрался.

Алексеев перекрестился.

– Атаман Каледин уже ввёл военное положение, выгнал большевиков. Мы встретились здесь, в Новочеркасске. Представьте себе, отказался принять офицеров! Приказал немедленно покинуть Донскую область. Я, конечно, не послушал, – генерал наполнил рюмки. – К нам присоединился генерал Корнилов. Думаю, Вы о нём слышали, – Алексеев улыбнулся первый раз в моём присутствии.

– Конечно! Командующий Петроградским военным округом.

– Опубликовали воззвание к офицерам защитить Отечество, восстановить монархию, вернуть союзников и уничтожить большевиков.

– Я тоже придерживаюсь монархистских взглядов.

– За монархию! – произнёс тост генерал.

Помолчал. Видимо, готовился сказать главное.

– Могу предложить два варианта службы. Первый – кавалеристом, чего, признаюсь, хотелось бы менее. Второй – поедите в Москву к большевикам и попытайтесь получить назначение в Царицын. Готовим летнее наступление.

– Согласен на второй вариант, – не задумываясь ответил я.

– Превосходно! Детали обсудите с начальником разведки подполковником Ряснянским. Адьютант отвезёт на квартиру на окраине города. Постарайтесь ни с кем не общаться и не выходить.

Остановить развал империи!

Киев. Харьков. Москва. Апрель – май 1918 г.

Сорокалетний генерал-майор Императорской армии России Анатолий Леонидович Носович весной 1918-го оказался в Киеве. Человек живой, умный, сильный, он беспомощно наблюдал за драматическими событиями. Банды гетмана Скоропадского и германские войска захватили город.

– Остановить развал империи! Выгнать, уничтожить революционеров, интервентов и царьков! Восстановить монархию! Вот мой долг! – решил Носович.

В Киеве встретился с генералом Драгомировым – представителем белых армий Юга России. Драгомиров посоветовал пробираться в Москву и установить связь с подпольным отделением Добровольческой армии. На вокзале в Харькове Носович случайно встретил сослуживца и близкого друга – полковника Чебышева, служившего теперь в Главном артиллерийском управлении большевиков. Чебышев тайно сотрудничал с белогвардейцами и находился в Харькове по заданию московского отделения Добровольческой армии. Предложил вступить в организацию и поселиться у него в Москве на Большой Дорогомиловской. Начальник штаба отделения полковник Страдецкий уже жил у него.

В Москве на Кузнецком мосту Носовича узнал молодой офицер лейб-гвардии конно-гренадерского полка и стал во весь голос призывать вступить в подпольную организацию, готовившую восстание против большевиков. Носович отмахнулся и проследовал далее на Дорогомиловскую, решив, что действовать надо умнее. По рекомендации Чебышева явился к Бонч-Бруевичу – управляющему делами Совета народных комиссаров. Попросился на военную службу к большевикам. На следующий день пошёл во французскую военную миссию. Встретился с военным аташе генералом Лавернем и полковником Корбелем – начальником службы разведки и представителем военной миссии при генерале Деникине. Рассказал о Драгомирове, Чебышеве, Страдецком и содействии Бонч-Бруевича в назначении на высокий пост в Красной Армии. Но французы отказались от его услуг – Деникин не верил в успех внедрения бывших офицеров. Носович настаивал, объяснял, доказывал и, наконец, смог убедить французов. Лавернь начал операцию по внедрению на должность военного руководителя Мурманского полуострова. Однако по решению французского посла Нуланса назначение досталось генералу Звягинцеву. Тогда Лавернь решил внедрить Носовича в штаб Северо-кавказского военного округа. Задача – саботаж и дезорганизация Красной Армии, содействие французскому консулу Шарбо и сдача города. По стечению обстоятельств консульство располагалось в том же здании, что и штаб округа, что облегчало связь. Носович также должен был найти подпольные организации и поднять мятеж во время наступления белых армий. Требовалось установить связь с генералом Алексеевым в Новочеркасске и согласовать действия. К Алексееву был отправлен полковник Страдецкий, но, отбив, долго не давал о себе знать. Предполагая провал, отправили «вахмистра Серёжу». Через него же Носович встретился с полковниками Бриедисом и Перхуровым – представителями антибольшевистского «Союза защиты Родины и свободы» Бориса Савинкова. Но дальше первой встречи отношения не продвинулись.

4-го мая начальник административного управления Генерального штаба большевиков, бывший генерал-майор Серебрянников оформил назначение Носовича на должность начальника штаба округа и тот занялся подбором кадров. Критерий был один – бывшие офицеры. Чебышева назначил начальником артиллерийского управления. Заместителем Чебышев выбрал конного артиллериста полковника Сухотина. Двоюродный племянник Чебышева поручик Тарасенков также попросился в штаб. Порекомендовал подпоручика Льва Садковского и поручика Сергея Кремкова – сына генерала Кремкова. Все трое были назначены адъютантами Носовича. На должность начальника хозяйственного управления Чебышев предложил Стари-

кова, заместителем – Рождественского. Из Петрограда был вызван капитан 2-го ранга Лохматов.

– Потом определимся с должностью, – решил Носович. – Город на реке. Моряк определённо нужен.

Начальником мобилизационного управления стал близкий друг Носовича полковник Ковалевский – бывший начальник отдела контрразведки Минского военного округа и помощник начальника оперативного управления отдела разведки Высшего военного совета. Носович решил пока не говорить ему о задачах, поставленных перед группой. Связь с Москвой предполагалось поддерживать через Шарбо, Страдецкого и адъютантов. По донесениям французского консула гарнизон Царицына насчитывал всего лишь 3000 человек. Начальником службы охраны гарнизона был сербский офицер Вуясинович, предположительно связанный с подпольем.

27-го мая Носович со штабом прибыли в Царицын. В тот же день Шарбо получил приказ установить связь и подключить к работе представителя сербской военной миссии полковника Христича. В задачу Христича входило склонить к мятежу Первый сербский революционный полк, расквартированный в городе.

Чтобы отвести подозрения большевиков, Носович решил ехать с женой. Ковалевский прибыл со всей семьёй – женой и четырьмя детьми. Ещё 2-го мая приказом Троцкого военным руководителем округа был назначен лояльный большевикам генерал-лейтенант Снесарев.

Все против нас

Москва. 22 мая 1918 г.

Паровоз с одним вагоном стоял у платформы, время от времени напрягаясь и попыхивая белым паром, готовый отправиться в любую минуту. Ночной перрон безлюден, неприветлив и опасен из-за многочисленных банд, наводнивших революционную Москву. Мой расстрельный комиссар остановился перед дверью вагона, пропустил меня вперёд и молча ушёл в ночь.

Вагон оказался класса «люкс». В таком прежде ездили чиновники самого высокого ранга. В конференц-зале за столом сидел пожилой худощавый господин с закрученными вверх усами. Просматривал бумаги, заглядывал в огромные справочники, аккуратно разложенные по периметру стола, что-то записывал. В форме царского генерала, на груди ордена Святого Владимира и Георгия. Поднял голову и посмотрел цепким, умным взглядом. Вот так неожиданность! Сам Снесарев! Мой преподаватель военной географии в кавалерийском училище. Троцкий назначил меня адъютантом царского генерала?! Проверка? Не факт. По Москве ходили слухи, что демон революции не ладит с большевиками, выбившимися из низов в гранд-начальники. В любом случае, не буду предпринимать никаких действий пока не назовёт пароль. Почему-то не хотелось, чтобы узнал меня. Впрочем, о моём послужном списке ему вряд ли известно – служил в восточном отделении разведки. Лучший специалист по стратегии, этнограф и кандидат чистой математики!

– Ваше превосходительство, разрешите представиться. Бывший унтер-офицер кавалерии Истомин. Прибыл в Ваше распоряжение по приказу товарища Троцкого.

Андрей Евгеньевич явно удивился услышанному. Неужели вспомнил?

– Признаться, ожидал увидеть пролетария с царицынских заводов. Я предельно ясно изложил своё мнение господину... товарищу Троцкому. Нужен адъютант хорошо знакомый с Царицыным. Задержался здесь из-за Вас. И вот! Прислали унтер-офицера!

– Я родился и вырос в Царицыне. Точнее, в хуторе Букатин на...

– Левом берегу Волги, – перебил Снесарев.

– Так точно, Ваше превосходительство, – отчеканил я, стараясь не выдать крайнее удивление. Похоже, генерал уже основательно изучил карту Царицынского уезда и Астраханской губернии. – В Царицыне окончил гимназию.

– Недурно, – медленно произнёс Андрей Евгеньевич, всё ещё казалось, сомневаясь как со мной поступить. – Потом кавалерийское училище и германский фронт?

– Так точно.

Неужели вспомнил? Но на германском фронте я не был.

– Вы-то мне и нужны! Присаживайтесь.

Андрей Евгеньевич переложил бумаги и справочники на край стола. Поезд тронулся.

– Могу предположить, изрядно проголодались. Предлагаю отужинать, – на лице генерала появилась сдержанная улыбка.

– С удовольствием. Продовольственные карточки получил, но, как теперь говорят, отоварить не успел.

– Не беспокойтесь. Уверен, в Царицыне не понадобятся. На ужин у нас щи без мяса, но зато с хлебом, правда чёрствым, похоже, месячной давности. На второе холодец из... чего-то. На десерт черный чай без сахара и пролетарский самогон. Как находите?

– Недурно для голодающей Москвы. Буду всё, кроме самогона.

– Согласен.

– А теперь о деле, – произнёс Андрей Евгеньевич, закончив ужин. – В Царицыне предстоит организовать оборону, – расстелил карту. – Город имеет стратегическое положение. Только через него возможны поставки продовольствия в центральные губернии. С северо-

запада наступает германская армия с Красновым и гайдамаками. С юго-запада Добровольческая пытается соединиться с уральскими казаками, Колчаком и Самарской армией. С юга идут донские казаки. Если возьмут город, вместе двинутся на Москву.

– Получается патовая ситуация, – нерешительно произнес я, потрясённый услышанным. – Все против нас!

– Именно так, – невозмутимо ответил Андрей Евгеньевич.

Повышенная сложность задачи вызвала у него прилив умственной энергии и концентрацию внимания к деталям, через которые, как он верил, можно найти самое эффективное решение поставленной задачи.

– Наше положение усугубляется расположением города крайне невыгодным для обороны. Отсутствуют естественные преграды – кругом степь. А путь к отступлению отрезан рекой.

– В Царицыне говорят Волга, не река, – поправил я.

– Любопытно. Город растянут на десятки вёрст. Придётся собирать значительные силы, которых пока нет. Окончательно определимся на месте, но готовиться надо сейчас, в дороге. Я собрал литературу по региону, но крайне мало. Библиотеки разграблены и опечатаны. Посчитал полезным иметь адъютанта из местных. Как же Вы учились в Царицыне? Моста-то нет.

– Отец с дедом возили на лодке – торговали рыбой. Зимой ходил по льду, жил у знакомых.

– Отменно, – похвалил генерал. – Так тянуло к знаниям?

– Да. Мечтал о карьере офицера, а не рыбака и ремесленника.

– Похвально.

Генерал вновь сосредоточился на карте.

– Железные дороги... Юго-восточная, Донецкая, Владикавказская. Все дороги ведут в Царицын. Похоже, битва будет на славу. В уезде живут казаки. Рассчитывать на них не приходится. А в городе?

– Купцы, промышленники и переселенцы. В основном немцы, в Сарепте. Есть иностранное присутствие. Консульства, нефтебаза Нобеля, завод Дюмо, Виккерса, оружейный и снарядный.

– Значит, боеприпасы сможем изготовить сами.

На броневике

Москва. Царицын. Май – июнь 1918 г.

– Федя, пойдёшь ко мне секретарем? Вместе с Надей, – спросил Сталин старого друга Аллилуева.

Фёдор привык повиноваться ему, не задумываясь. Первое время Народный комиссариат по делам национальностей состоял только из них троих. Но в конце мая Орджоникидзе – чрезвычайный комиссар Юга России и друг Сталина – телеграфировал из Царицына, что положение в городе сложное, нужны решительные меры, а местные большевики слишком «дряблы». Всякое желание помочь рассматривают как вмешательство в их дела. На станции стоят поезда с хлебом для Москвы, но не отправляются. Вокруг города бушует контрреволюция.

Сталина назначили в Царицын руководителем продовольственных заготовок с чрезвычайными полномочиями. В сопровождении 450 латышских стрелков и рабочих-красногвардейцев прибыли на Казанский вокзал Москвы, забитый мешочниками и беспризорниками. Несмотря на предписание Совета народных комиссаров, поезда для них не нашлось. Сталин долго ругался с дежурным вокзала, показывал мандат народного комиссара, кричал, угрожал и, наконец, состав нашли. Но нарком отказался. Нужен был бронированный, с телеграфом и платформами для орудий и броневиков. Под угрозой расстрела дежурный всё-таки нашёл нужный состав. Отряд разместили в вагонах третьего класса. Сталин и Аллилуевы расположились в обитом голубым шёлком салон-вагоне, когда-то принадлежавшем звезде цыганского романа Анастасии Вяльцевой. Сталин спал в салоне, Аллилуевы в купе. Никто не знал доберутся ли они до Царицына. На поезда нападали банды мародёров и отряды анархистов. Германская армия продолжала наступление, а на подступах к городу хозяйничали казаки Краснова и Фицхелаурова. Впрочем, поезд мог постоять за себя.

Двигались медленно. Станции были забиты эшелонами и брошенным порожняком. На грязных вокзалах пьяные солдаты громко пели под гармонь, слышались выстрелы. По ночам наркомовский состав прятался на запасных путях.

Получили телеграмму Орджоникидзе: «В Царицыне восстал отряд анархиста Петренко. Напали на эшелон с золотом и драгоценностями, изъятыми у городской буржуазии. Разграбили, устроили митинг. Я их окружил, заставил сдаться.» Вскоре пришла вторая телеграмма: «Часть банды скрылась. С отрядом атаманши Маруси напали на город. Мы их разбили. Петренко и Маруся расстреляны. Наведи тут революционный порядок. Знаю, у тебя рука не дрогнет. Уезжаю на Кубань. Там Автономов грозит расстрелять весь штаб. Надо решить конфликт.»

Утром 6-го июня сталинский поезд петлял по объездным путям вокруг Царицына. Наконец, показалось грязно-белое здание вокзала. Сталин въехал в город на броневике. Бронепоезд перегнали на юго-восточный вокзал.

Живая цепь

Южная Россия. Июнь 1918 г.

Климент Ворошилов, бывший слесарь, арестант и ссыльный, собрал Первый луганский социалистический отряд. Оборонял Харьков от германо-австрийско-венгерских войск. В начале апреля дивизии большевиков бежали по железной дороге в сторону Царицына, увозя с собой оружие, типографии, ценности, семьи – всё! Более 3000 вагонов под охраной бронепоездов растянулись на десятки вёрст по бескрайней южнороссийской степи. Отбивали атаки соединений Краснова, Мамантова и Фицхелаурова. Эшелоны обстреливались аэропланами, мосты и водокачки взрывались, рельсы разбирались и растаскивались по степи. Красноармейцы занимали круговую оборону, чинили мосты, собирали рельсы и искали воду. Сотни людей выстраивались в живую цепь до ближайшего колодца. Вёдрами, котелками и кружками передавали воду к эшелонам. Через месяц стало заканчиваться продовольствие. Пришлось посылать отряды в ближайшие деревни. Накопился целый эшелон раненых и больных, а до Царицына было ещё несколько недель пути. Санитарный эшелон решили отправить вперёд под охраной бронепоезда. Состав под флагом Красного Креста прибыл на станцию Суровикино. Ночью бронепоезд ушёл на разведку. Ничто не предвещало беды. Но дежурный по станции оказался осведомителем белых. На рассвете эшелон был обстрелян артиллерией. В атаку пошла конница и пехота. К 9-ти утра расправа была закончена.

2-го июня подошли к Дону. Оставался последний отрезок пути в 150 вёрст, но железнодорожный мост был взорван. Заняв круговую оборону, принялись строить новый. Закончили только в конце месяца под испепеляющим солнцем, обстрелами, атаками и бомбардировками. 2-го июля последний эшелон пересёк мост. Со стороны Царицына ударили части Красной Армии. Путь был открыт. Гарнизон города получил сотни паровозов, бронепоезда и 30 000 солдат.

Отель «Люкс»!

Царицын. 5 июня 1918 г.

На юго-восточный вокзал из Москвы прибыл поезд Главного нефтяного комитета большевиков – девять вагонов первого класса. Добраться до Кавказского вокзала не смогли – пути были заняты эшелонами с возвращавшимися с фронта солдатами и отступающими из Ростова красными частями и беженцами, включая правительство Донской Советской Республики. Только к вечеру поезд сумели перевести на Кавказский вокзал. Уполномоченный комитета инженер Алексеев с двумя сыновьями и четырнадцатью «инженерами» должен был следовать в Баку. По распоряжению Троцкого получил 9 миллионов рублей на ремонт нефтяных заводов, но из-за боевых действий на Кавказе путь в Баку был закрыт. На перроне встречал эсер Котов – уездный комиссар Временного правительства и присяжный поверенный.

- Видно, не судьба осуществить задуманное в Баку. Попробуем здесь, в Царицыне?
- Попробуем, – согласился Алексеев.
- Где желаете остановиться?
- В лучшей гостинице города.
- Тогда отель «Люкс»!

Бывший поручик Степаньянц, командир отделения красноармейцев, охранявших вокзал, обратил внимание на странную группу. Двое главных держались уверенно, улыбались. А вот остальные выглядели более чем подозрительно. В одной руке чемодан, в другой – увесистый саквояж. Причём саквояжи были одинаковые. Несмотря на жару, остались в пиджаках.

- При оружии, – догадался Степаньянц. – Взгляды! Осматриваются.

Бывший поручик решил проследить за прибывшими. Держался на приличном расстоянии, довёл до самого отеля. «Люкс»! Понял, что не ошибся – приезжие располагали значительной суммой. Его смутило только присутствие двух подростков, не вписывавшихся в группу. Степаньянц узнал присяжного поверенного Котова – видел в суде, куда конвоировал осуждённых. Решил посвятить всё свободное время наблюдению за странной группой.

Уездный город театров

Царицын. 28 мая 1918 г.

Наш поезд прибыл в четыре утра. Вокзал пуст. Никто не встречает.

– Неудивительно, – угадал мои мысли Снесарев. – Не знают, когда доберёмся. Не будем терять время, унтер-офицер! Показывайте город!

Я повёл генерала через центр на набережную. Признаться, утренний Царицын представлял собой наименее приятную картину. Остался уездным городом казаков, помещиков, промышленников и рыбаков, с широкими немощёными улицами и электрическими фонарями. Трамвай? Что-то новое! Я не сразу обратил внимание, привык к петербургским. Вагончик, громыхая по узким рельсам, покатился в сторону собора Александра Невского и скрылся, петляя среди купеческих усадеб, кирпичных складов и деревянных домов обывателей. Недалеко от собора виднелись белые церкви с зелёными куполами и два городских парка, примечательных только скамейками и рядами тополей. Тополя сенились, покрывая округу белым пухом и создавая иллюзию натающего снежного покрова на фоне раннего лета. Днём, как всегда, будет жарко. Между парками виднелся базар. В тени абрикосин и яблонь на латках и деревянных ящиках женщины раскладывали колбасы, домашний хлеб, баранки, помидоры, а рыбаки утренний улов. Перед спуском к Волге виднелись хозяйственные лавки, харчевни и трактиры. Внизу, у самой воды накатанная телегами дорога вдоль пристаней торговых товариществ. Мы присели на лавку. Синяя гладь воды, жёлтая полоска песка, зелень деревьев и безоблачное небо.

– Остров Голодный? А там река Царица? – показал рукой генерал.

– Да. Слева, видите, у самой воды домик деда Прохора. По утрам ловит рыбу с причала. Летом сдаёт рыбакам с левого берега. Оставляют лодки, пока торгуют на базаре. Я ночевал у него в непогоду. А вон и он!

Из домика вышел старичок в казацкой фуражке. Уселся на доски и закинул удочку.

– А это что?

– Народная аудитория. Там давали концерты и читали лекции. Построил купец Репников с братом. Самые богатые люди города, меценаты!

– Какой крутой спуск к реке! Пardon, к Волге. Если прижмут, удержать последний рубеж невозможно. Почему город назвали Царицыным? В честь какой царицы?

– Как ни странно, никакой. По-татарски «сарысу» – жёлтая вода.

– Ах да, здесь же была Золотая Орда. Давайте пройдемся до Царицы. Может, там вода жёлтая. В Волге обычная, синяя! – засмеялся генерал.

Недалеко от Астраханского моста через Царицу, на противоположном берегу, в окружении купеческих усадеб, тополей и акаций виднелась моя родная Александровская гимназия.

– Вон там рядом с домом купца Калинина проходили первые театральные представления. За ним усадьба Божескова с зимним театром. Видите огромный сад? Дом купчихи Шешинцевой с летним театром. А слева «Конкордия» заводчика Миллера.

– Уездный город театров! Неожиданно!

Мы направились обратно в центр.

– Здание Общественного собрания! Сюда мне удалось попасть лишь однажды, в 1909-м. Пел сам Шаляпин! За ним синемаграф, городская библиотека, народная читальня и книжная лавка госпожи Абалаковой. Слева музыкальное училище, Дом наук и искусств, музей и метеорологическая станция.

– Весьма приятный город! Патриархальный и сытый.

Улицы наполнялись людьми, раздвигались вышитые занавески и распахивались окна, обнажая уютные жилища обывателей. Ни одного признака гражданской войны и новой власти. О нет! В автомобиле, оставляя облако пыли, промчался комиссар в кожаной куртке.

– Городская власть едет на работу, – произнёс Андрей Евгеньевич. – Дадим ещё немного времени и пойдём знакомиться.

Присели на лавочку в парке. На деревянной сцене появились музыканты, заиграла музыка. Стали приходиться пары – нарядные дамы в сопровождении офицеров в царской форме.

– Отчего-то приятно видеть, что не один я ношу мундир, – заметил Снесарев.

Появились красноармейцы. Одеты неряшливо, на вид полуголодные. Бесцельно бродят по улицам, прицениваются к товарам, но видно, что денег нет, пытаются выпросить даром.

– Пожалуй, пора! – скомандовал генерал.

Навстречу выбежал атлетического вида господин в спортивном костюме. Коротко стриженные волосы, огромные голубые глаза, взгляд живой, уверенный и упрямый. Тренированное тело выдаёт спортсмена со стажем. Заметил нас, остановился. Лицо тут же расплылось огромной улыбкой самодовольного, знающего свою силу человека.

– Андрей Евгеньевич! С приездом!

– Здравствуйте, Анатолий Леонидович!

Крепко обнялись как старые приятели после долгой разлуки.

– Вот где теперь придётся служить! А Вы всё такой же атлет! Бег, фехтование, плавание, стрельба, английский бокс. Я ничего не запамятовал? Ах да, танцы и губная гармошка!

– Конечно! *Omnia mea mecum porto!* Всё своё ношу с собой! Офицер должен держать себя в форме во славу Отечества! Искупался в реке, теперь бег. Вода бодрящая, свежая, что надо! А с танцами здесь никак. Большевики не планируют балы, – в голосе послышался сарказм.

– Здесь говорят Волга, не река. Наш новый сослуживец меня поправил. Кстати, царицынец!

– Адъютант, из-за которого задержались в Москве?

– Бывший унтер-офицер кавалерии Истомина, – представился я.

– Генерал-майор Носович, начальник штаба округа.

Рукопожатие оказалось более чем крепким.

– Отчего же бывший? Разжаловали? Отправили в родительское имение?

– Императорской армии больше нет. Значит, бывший.

Лицо Анатолия Леонидовича сделалось упрямым, взгляд твёрдым, мышцы напряглись.

– Пути Господни неисповедимы, унтер-офицер. Воевали в германскую?

– Приходилось.

– И нам с Андреем Евгеньевичем пришлось.

– А мне генерал преподавал военную географию, – наконец признался я.

Андреем Евгеньевичем вопросительно посмотрел на меня.

– В Николаевском училище.

– Что же Вы до сих пор молчали?

– Думал, может, вспомните.

– Похоже, у нас собирается отменная компания! – подвёл итог Носович.

– Евгения Васильевна с Вами?

– Непременно! *Omnia mea mecum porto!* Ковалевский тоже привёз семейство. Идёмте!

Покажу квартиры.

Квартиры штабистов располагались в трёхэтажном купеческом особняке в самом центре города.

– Господа, спускайтесь в салон! Андрей Евгеньевич прибыли! – громогласно объявил Носович. – Спят долго, лентяи. Поставлю самовар.

Мы присели в салоне.

– Все в сборе? Андрей Евгеньевич, Вы, конечно, знаете этого проказника. Посему представлю только Вам, унтер-офицер. Полковник Ковалевский Александр Николаевич с супругой. Прошу любить и баловать. Дети ещё спят? Полковник Чебышев. Его заместитель полковник Сухотин. Мои адъютанты Тарасенков, Садковский и Кремков. Кстати, поручик, что за фото милой дома у Вас в спальне?

Кремков смутился и промолчал.

– Господа Стариков и Рождественский. Занимаются хозяйственной частью. Ну-с! Попьем чаю и в совдепию! Пардон, к местному начальству.

Часовой, увидев нас, винтовкой перекрыл вход. Андрей Евгеньевич протянул документы.

– Военный руководитель округа Снесарев. Мой штаб, – показал на нас. – Только что прибыли.

Часовой покосился на генеральский мундир и ордена. Шёпотом, по слогам начал читать.

– Много незнакомых букв, милейший? – съязвил Носович. – Давай быстрее. Служба ждёт. На благо революции.

Часовой молча убрал винтовку. Кабинет градоначальника, дверь открыта. За столом сидят шестеро, перебирают бумаги, что-то обсуждают. Андрей Евгеньевич негромко кашляет. Комиссары недовольно поворачивают головы в нашу сторону.

– Чего Вам, товарищи? Вы кто?!

– Снесарев, назначен военным руководителем округа. Вот мандат от товарища Троцкого.

Присутствующие принялись читать по очереди.

– Эти читают быстрее, – съязвил Носович.

– Вы сказали товарищ Троцкий?.. Почему назначил царского генерала?

– Не все революционеры учились в академиях, – по-профессорски произнёс Носович.

Все шестеро настороженно посмотрели на него.

– Генерал приехал со свитой! По выправке вижу – из бывших.

– А я по твоей сгорбленной спине вижу, ты всю германскую просидел в подполье, – парировал Носович.

– Анатолий Леонидович! Прекратите! – одёрнул Снесарев.

– Не надо нам приезжих. Сами справляемся! Не для того власть брали, чтоб под бывшими ходить! Правильно, товарищ Ерман?

– А город по-прежнему называется Царицын, – напомнил Носович.

– И то верно, – протянул Ерман. – Надо будет митинг провести, переименовать. Назовем Марксград! Или Ленинград!

– Ерманград! После твоей героической смерти за революцию.

– Анатолий Леонидович! Прекратите! – Снесарев напомнил кто тут главный.

– Слушаюсь, Ваше превосходительство, – последние два слова Носович произнёс громче, чем надо.

– Если уж зашёл столь нелепый и неуместный разговор, то сойдёмся на нейтральном названии. Волгоград! – попытался смягчить разговор Андрей Евгеньевич. – По-моему, недурно. Прекратим мальчишеский спор и приступим к делу.

– Какому делу?

– Оборона столь любимого вами города. Предполагаю, вы все коренные царицынцы, не так ли?

Комиссары опустили глаза.

– Подождём! Из Москвы едет народный комиссар. Сталин, кажется, партийная кличка. Будет заниматься отправкой продовольствия.

– Как ты сказал, товарищ Рудин? Сталин? – удивился Ерман. – Не слышал. В революциях не участвовал. Я бы точно знал. Посмотрим, что за назначенец. Власть наша! А продовольствием за просто так делиться не собираемся.

– Мы не претендуем на Вашу власть и продовольствие. Вы – гражданские, мы – военные. Будем заниматься исключительно обороной, – пояснил Ковалевский. – При вашем содействии, конечно же.

– Сами умеем обороняться!

– Правильно, товарищ Зедин. Ещё как умеем! С товарищем Орджоникидзе разгромили банду Петренко и сибирских анархистов. Закрыли вашу московскую «Анархию». Свою печатаем!

– Так и назвали «Царицынская большевистская анархия»? – Носович кулаком прикрыл язвительную улыбку.

Комиссары вскочили.

– Анатолий Леонидович! Последнее предупреждение! – повысил голос Снесарев. Подошёл к карте. – В вашем, а теперь уже и в нашем направлении продвигаются две регулярные армии – генерала Краснова и германская. Казаки Денисова и Быкадорова заняли излучину Дона. Гусельщиков и Мамантов под Нижне-Чирской. Голубинцев в Верхне-Донском. Фицхеллауров в Усть-Медведицком. Все стягиваются сюда, к Царицыну. Прибавьте армии Деникина и Алексеева. А у вас как с обороной?

Товарищи молчали.

– Три тысячи красноармейцев! – ответил за них генерал.

– Ну, мы знаем, вокруг уезда беспокойно, но чтобы столько... Откуда сведения?

– Обобщил донесения красных командиров и отделов разведки. Проанализировал боевые действия и передислокацию соединений противника. Посмотрел статистику населения. И вот квинтэссенция вводных данных.

– Винт чего?

– Как Вас зовут, товарищ? – вежливо поинтересовался Носович.

– Минин.

– Товарищ Минин, не забывайте это слово. Мигрени замучат!

Снесарев набрал полную грудь воздуха, собирая остатки терпения. Носович принял вид раскаивающегося хулигана.

– Гарнизон города... – продолжил Андрей Евгеньевич. – Имел удовольствие наблюдать. Печальное зрелище!

– У нас ещё пять тысяч военнопленных с германского фронта, – попытался оправдаться Минин. – Проводим революционную агитацию.

– А если поднимут мятеж, поддержат противника?

– Насчёт контрреволюции уже приняли меры, – возразил Ерман. – Учредили уездный отдел чрезвычайной комиссии. Вот председатель товарищ Борман.

– Борман с Ерманом всегда договорятся, – вполголоса произнёс Носович, но так чтобы все слышали.

Снесарев бросил строгий взгляд. Носович на сей раз притворяться не стал. Ответил таким же жёстким взглядом и генералу, и комиссарам.

– Довольно разговоров, госпо... товарищи! – попытожил Андрей Евгеньевич. – Найдите для нас паровоз. Осмотрим уезд вдоль железных дорог.

В доме штабистов для меня комнаты не нашлось и я попросился к деду Прохору.

– Прохор Киприанович, как жизнь в городе? Как новая власть?

– Да всё ничего, Валерка. Только вот анархисты из пушек постреливали. Но Минин с Тулаком выгнали. Митингуют теперь по заводам. А так ничего. Голодом не страдаем. Газеты носят. Вон, почитай! Я не смотрю. Всё новые. Старых не осталось, вот и не читаю.

Газеты... В сентябре власть взяли большевики, причём без мятежа, выиграли выборы. Минин, сын протоирея из Дубовки... М-да, отец – священник, сын – безбожник. Председатель совета – вольноопределяющийся запасного полка Ерман. Ерман, Ерман... Помню! Фев-

ральский мятеж в Петрограде. Значит, послали в Царицын... Пролетарии приветствуют нового вожака, зовущего в светлое будущее, где заводы будут принадлежать рабочим, земля крестьянам, а мир народам... Ага! У Ермана появились конкуренты – эсеры. Обещают достойные зарплаты. А Ерман? Вызвал отряд из Москвы. Громят эсэров, заставляют рабочих вернуться на заводы. Кому будут принадлежать больше ни слова.

– Ерман, говорят, чистый бес! Работает сутки напролёт. Каждый день заседания до ночи! А до рассвета встаёт и на заводы. Митингует!

– Горожане как к нему относятся?

Дед Прохор задумался.

– Вишь какое дело, народец наш любит строгое начальство. Ерман такой! И говорит складно. Сам слышал. А ты когда к своим за Волгу соберёшься? Аль чего задумал?

– Тяжёлые времена наступают, Прохор Киприанович, – ушёл я от ответа.

Будет

Царицын. 6 июня 1918 г.

Расширенное заседание руководства города и штаба. Андрей Евгеньевич читает доклад о нашей поездке.

– Состояние войсковых частей по линии железной дороги Царицын-Великокняжеская-Тихорецкая представляется в следующем виде.

Командный состав не подготовлен к исполнению обязанностей. Во главе соединений на участке Кривая Музга-Великокняжеская бывшие солдаты, до сих пор не наладившие органы управления и даже не знающие какой точно участок прикрывают. Командование частями зависит исключительно от авторитета командиров. Один комиссар рыдал при мне, что, с одной стороны, боится трибунала, а с другой расправы от своих красноармейцев. Сменить командиров не представляется возможным из-за отсутствия подходящих кадров. Штабная служба отсутствует. К примеру, мне сообщили о бое около хутора Харитонов, но никто не смог объяснить ни цель боя, ни с кем он вёлся. Потери не задокументированы. Связь между частями осуществляется только через конных вестовых. Скорость передачи 5–6 вёрст в час. У командиров Великокняжеского и Жутковского участков имеется лишь по одной старой карте. У других нет вообще. Даже биноклей. Разведка отсутствует. По заявлению командующего Великокняжеским участком сторожевая служба «вероятно есть». Численность отрядов установить трудно, так как в день выплаты жалования отряды увеличиваются, а перед наступлением уменьшаются. Финансово-материальная отчётность не ведётся или противоречит очевидным фактам. Масса босых и полуголых солдат, а в отчётности указано, что форма выдавалась несколько раз. Голодные солдаты ходят по деревням, отбирают продовольствие и пьянствуют, а исполнение приказов обсуждают на митингах.

Руководители города опустили головы. Повисло молчание. Вдруг распахнулась дверь.

– Иван! Тулак! Выйди по срочному делу, – прохрипел комиссар с оплывшим лицом и кепкой в руке.

– Извините, товарищи. Должен поговорить с комиссаром Селивановым.

– Ты что тут делаешь? – раздался приглушённый голос из-за двери. – У нас заседание.

Народный комиссар из Москвы, а ты опять пьян!

– Нет, ты что! Я ж без запаха.

– Морфий?

– Нет, ты что! Я ни-ни. На Урюпино беляки идут. Дай денег! Соберу солдат, отгоню. У меня ж там семья.

– Опять врешь? Ладно, иди в казначейство. Скажи, я приказал. Сколько надо?

– Тыщ сто, а то не пойдут.

– Не появляйся тут!

Начальник гарнизона города вернулся в кабинет.

– Извините, товарищи.

– Штаб подготовил план действий... – продолжил Снесарев.

– Хороший доклад, товарищ Снесарев, – перебил народный комиссар, кутивший трубку у открытого окна. – Очень хороший! – у говорящего был сильный грузинский акцент. – Грамотный! По всем правилам военной науки. Вот только действовать мы будем по-другому! Решительно, по-революционному! Дисциплину наведём железной рукой. Командиров заставим ответственно служить делу революции, а воров-интендантов расстреляем. И в городе наведём революционный порядок. У вас тут кругом спекуляция, базары, лавки, трактиры. Цены пляшут! Слишком много продовольствия на такой маленький уезд. А губернии голодают. Неправильно! Не для того мы делали революцию! Продовольствие соберём, отправим в

Москву, Петроград, Воронеж, Рязань. Теперь все решения должны согласовываться со мной. Касается всех, в том числе работников штаба. А город защитим! Заставим буржуев рыть окопы.

– Товарищ Сталин, Вас назначили чрезвычайным представителем только по продовольствию, – возразил Носович.

Сталин смерил его тяжёлым взглядом, сделал глубокую затыжку и медленно выпустил густой дым в комнату.

– У меня самые широкие полномочия.

– А мандат есть?

– Будет. Закончим на этом. А Вы, товарищ Борман, оставайтесь.

После разговора со Сталиным Борман принялся за решительные меры. На пристанях и вокзалах были выставлены кордоны. Устраивались облавы на дезертиров, спекулянтов и беженцев. Тюрьмы наполнялись арестантами, базары и лавки закрывались. У пристани появилась чёрная баржа – плавучая тюрьма для «врагов революции». В театрах, синематографах и купеческих домах разместили лазареты. Улицы патрулировались круглосуточно. Всех подозрительных задерживали. Город перешёл на полуосадное положение.

«Шартрез»

Царицын. 6 июня 1918 г.

Алексеев и Котов сидели в ресторане отеля «Люкс» в приватной комнате. Алексеев сам выбрал меню. Суп «Сэн-Руссарэн», английский ростбиф с кровью, спагетти «Миланезе», страсбургский пирог с утиным паштетом и салат «Люсьен Оливье» с перепелами, шейками раков и чёрной икрой. Подумав, добавил свиные рёбра с медовой глазурью и помидоры, начинённые орехами, сыром, зеленью и майонезом. На десерт принесли эклеры с дольками лимонов и неаполитанское вино «Лакрима Кристи». Алексеев попросил ещё бутылку шампанского «Луи Родерер».

– Превосходный отель! – с довольным видом произнёс он, расправляя салфетку.

– Последний островок павшей империи, – согласился Котов. – Дорого, как в Париже!

– Не волнуйтесь! Денег хватит на всё. Даже на мятеж останется, – громко захохотал Алексеев.

– Откуда столько? Партия собрала?

– Наша партия уже на закате. Большевики опередили! Первые у немцев взяли. Миллионы марок! Миллионы!!! Вот где мы проиграли. Надо было раньше предлагать себя, а не заниматься экзами. Угадываете, у кого получил деньги.

– Неужели у Ленина?!

– Ха-ха-ха! – Алексеев вытер выступившие слёзы. – Почти. У Троцкого! Большевикам нужна бакинская нефть, а тут я – «верный союзник» и близкий по духу революционер. Троцкий своим не доверяет.

– Вот почему в штабе засели полковники!

– У вас тоже? Теперь везде. Жаль в Баку путь перекрыт. Взяли бы Кавказ за пару месяцев.

У Вас в Царицыне большая организация?

– Две сотни.

– Мало.

– Можно привлечь бывших офицеров. Не пошли ни к белым, ни к красным. Объединились в артель «Грузолес». Грузят, строят, ломают.

– Прибавим четырнадцать моих экспроприаторов и того... Думаете, хватит? – засомневался Алексеев.

– Наша главная надежда – сербский полк.

– Откуда сербы?

– Не только. Ещё и чехи с венграми и немцы с поляками. Военнопленные. Не смогли сразу отправить домой. Большевики к себе переманивают. Теперь сербы охраняют гарнизон города. Познакомлю с командиром. Кстати, отлично говорит по-русски.

– А вот это уже серьёзно! Похоже на успех. Сколько их?

– Полтысячи. Но могут подтянуть остальных, если пообещаем отправить домой.

– Оружие есть?

– У них?

– У вас!

– Тысяча винтовок, шесть пулемётов и два орудия.

– Годится! Давайте выпьем за сербов. Когда встречусь с командиром?

– Дайте время.

– Договорились! – Алексеев с сожалением посмотрел на пустые бутылки. – Официант!

«Шартрез»!

Через минуту на столе появилась бутылка французского ликёра.

– Вопрос! – крикнул захмелевший Котов. – Зачем ты сыновей привёз? Подростки ещё. Конспирация?

– Хотел по дороге оставить у бабушки в Нальчике, но вот как получилось, – развёл руками пьяный Алексеев.

Следующие три дня «инженеры» осматривали город. Наконец, нашли подходящий тайник и днём, по очереди, перенесли деньги. Днём было безопаснее – меньше вероятность, что остановит патруль.

Деспотизация

Царицын. 12 июня 1918 г.

Из Москвы в штаб Революционного совета Царицына пришла директива начать подготовку к наступлению. Андрей Евгеньевич, как всегда, взялся за работу с удвоенной энергией и старанием, заставляя и меня работать сутки напролёт. До поздней ночи просиживал над картами, проводил совещания, по телефону инструктировал командиров, диктовал директивы и приказы, подписывал, а я рассылал в части. Осмотрели гарнизон города. Наконец, Андрей Евгеньевич объявил – план наступления готов.

– Ну какое наступление с такой армией! – задумчиво произнёс Носович, дочитывая документ. – Дезертиры, крестьяне, пролетарии. Дисциплины никакой! Чуть с приказом не угадаем, разбегутся защитники революции или на штыки нас поднимут.

– Вы правы, – вздохнул Андрей Евгеньевич. – Ещё многое надо сделать. Говорю с командирами, комиссарами. Объясняю, доказываю, приказываю. А они будто не слышат! Но вот увидите, всё получится!

Носович скептически посмотрел на Снесарева.

– М-да... Сегодня они станут лучше, чем вчера, но хуже, чем завтра.

– Что Вы несёте?

– Построил умозаключение. Между прочим, в пользу Ваших, пардон, наших подчинённых, – ехидно улыбнулся Носович.

– Вот что! Я доработаю план, а Вы займитесь реорганизацией частей. Создайте взводы, роты, батальоны, полки. А то у нас отряды по имени командиров. Партизанщина! И ещё! Объявите мобилизацию, сформируйте пять дивизий.

– Слушаюсь. Будет исполнено точно и в срок, как на германском фронте. Вот только с наступлением не торопитесь.

– Времени мало, дорогой мой. Сами видите, кольцо вокруг города сжимается.

Носович прищурился. Встал, оправился.

– Разрешите исполнять?

– Исполняйте! Надеюсь на Вас.

– Слушаюсь.

Носович вернулся к себе в кабинет.

– Наступление большевиков отменяется, Андрей Евгеньевич! – думал генерал. – Наши будут наступать, не красные. Ни одной дивизии не создам! Ни дивизии, ни полка, ни батальона, ни роты. А реорганизацию превратим в деспотизацию!

Носович достал губную гармошку и заиграл «Гром победы, раздавайся!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.